

Глава 25. Случайная встреча (часть I)

Том II: Возвращение в город Линъюнь

— Мы перед тобой в неоплатном долгу, — произнёс Мэн И, виновато глядя на Чэнь Гэ. — Нас не было несколько дней, и в лагере наверняка уже поползли дурные слухи. Нужно спешить. Вот, возьми этот медный жетон — вещь семейная, не слишком ценная, но с ней тебя беспрепятственно пропустят на заставу Цинь. Чэнь-ди, за эти несколько дней я узнал, какой ты человек. Не буду рассыпаться в благодарностях за спасение жизни, просто знай: я этого не забуду.

— Горные тропы здесь коварны, не вздумайте лезть напролом, — добавил Чжун Цзи. — Идите вдоль реки на восток, там проходит граница между Цинь и Царством Хань. Наткнётесь на пару небольших городков, сможете передохнуть. У нас, простых солдат, при себе лишь эти гроши — возьми, пригодятся. Пусть горы остаются вечно зелёными, а мы ещё свидимся. Прощай.

— Спасибо! Огромное спасибо! — закивал Чэнь Гэ, махая рукой. — Берегите себя. Я обязательно наведаюсь к вам в гости, как только всё уляжется!

Он не решался махать слишком активно — на спине, едва дыша, висел Ли Синлань. Мэн И и Чжун Цзи, стремительно бежавшие по лесу, вскоре растворились в густых зарослях и утреннем тумане.

Этим утром они едва не лишились рассудка, пытаясь придумать, как спуститься с тысячеметровой скалы.

Камень утёса был настолько твёрдым, что стрелы от него просто отскакивали. Чжун Цзи попробовал пустить стрелу из своего тяжёлого лука, найденного в гробнице — истинного шедевра оружейного мастерства, — но даже она лишь едва вогнала наконечник в расщелину. Веревка катастрофически не хватало, а спускаться так, как они поднимались — по отвесным стенам пещеры, — было невозможно.

Один неверный шаг на такой высоте — и от тебя останется лишь мокрое пятно.

Чэнь Гэ, который больше всего на свете ненавидел трудности, в какой-то момент всерьёз подумал: «А не сигануть ли вниз?». Смерть — так смерть, всё лучше, чем медленно подыхать от голода на этом проклятом выступе.

Но бросить остальных он не мог. Поэтому, подперев кулаками подбородок и почёсывая затылок, он выдавал одну безумную идею за другой, и каждую из них с треском отменял.

Ли Синлань наконец пришёл в себя. Чэнь Гэ, погружённый в свои невесёлые думы, не заметил момента его пробуждения, пока тот, опираясь на холодный камень, не встал.

Услышав шорох, Чэнь Гэ обернулся и едва не вскрикнул. Перед ним стоял человек с таким изуродованным лицом, что на мгновение юноше показалось, будто он попал в дешёвый хоррор про пришельцев. Опомившись, он с трудом подавил дрожь и бросился на помощь, пытаясь подхватить раненого под руку.

Ли Синлань лишь слабо отмахнулся. Шатаясь и преодолевая жгучую боль, он медленно пошёл вглубь грота.

Даже невооружённым глазом Чэнь Гэ видел, как напряжён воин и как скованы его движения — тот держался на честном слове, на одной лишь железной воле. Глядя на него, Чэнь Гэ чувствовал странную смесь жалости и безотчётного страха. Ли Синлань пугал его: и своим лицом, и той ледяной аурой, что от него исходила. Но юноша раз за разом одёргивал себя: «Не смей так думать. Это подло. Ему и так досталось».

Ли Синлань, едва не рухнув, сделал несколько шагов, отчего у Чэнь Гэ сердце ушло в пятки. Однако, добравшись до тёмного угла, воин словно фокусник извлёк из пустоты несколько крепких верёвок, сплетённых из дикой лозы.

Чэнь Гэ замер в изумлении. Он подумал, что этот человек невероятно силён духом. Случись такое с ним самим — он бы, наверное, уже давно сдался и утопился в первой же луже.

Ли Синлань стоял вполоборота, пряча левую, изувеченную сторону лица в тени. Одну руку он держал на верёвке, а другой сделал короткий, властный жест: «Подойди».

Чэнь Гэ застыл в проёме. Позади него разливался слабый утренний свет, превращая его фигуру в нечёткий силуэт, похожий на каплю туши, растворяющуюся в воде.

В итоге Бэй Чэню, как единственному обладателю четырёх лап, пришлось — крайне неохотно и только после того, как Чэнь Гэ закатил истерику, — под руководством Ли Синлани закрепить верёвки на выступах скалы.

Однако везти Ли Синлани на себе волк наотрез отказался. Его аргумент был прост: «Этот человек мне никто».

Чэнь Гэ понимал, что Бэй Чэнь не шутит. Спорить с этим «полузверем» было бесполезно, поэтому, рассудив, что жизнь товарищей важнее гордости, он сам взвалил Ли Синлани на плечи, намертво примотав его к себе верёвками.

К полудню они наконец коснулись земли. Весь путь был чередой падений, глухих ударов и тихих ругательств, но, по крайней мере, они выбрались из той каменной ловушки живыми.

Бэй Чэнь, приняв облик волка, сорвался с места и помчался вперёд. Свою расшитую чешуёй накидку он обвязал вокруг пояса, отчего стал похож на гигантский рулет из фучжу. Чэнь Гэ, глядя на него, злился всё сильнее.

Вытирая пот со лба рукавом, юноша прохрипел:

— Слышь, Бэй Чэнь! Если ты дашь ему разок проехаться верхом, ты что — забеременеешь?

Он искренне не понимал упрямства волка. Если бы Ли Синлань ехал на его спине, они бы двигались вдвое быстрее.

Чэнь Гэ плёлся следом, ориентируясь на оставленные Бэй Чэнем следы. Шаги давались ему с трудом. И дело было не в тяжести ноши — его тело словно застыло во времени: раны затягивались мгновенно, он даже воскресал, но вот рост... Чэнь Гэ в сердцах дернул себя за волосы и понял, что даже они не стали ни на миллиметр длиннее. Метр семьдесят... ладно, будем честны — сто шестьдесят восемь с половиной сантиметров. И, похоже, это предел.

От этой мысли небо над ним словно затянуло тучами.

Он вспомнил старшего брата. Тот часто стоял на кухне в каком-то нелепом цветастом фартуке, с половником в одной руке и сковородкой в другой, и ворчал, не поднимая глаз: «Если не будешь нормально есть, так и останешься коротышкой ниже ста семидесяти».

Как в воду глядел, проклятье!

Это случилось 13 февраля 2054 года. День, когда его отправили в червоточину, был кануном его семнадцатилетия. Брат, с которым они накануне вдрызг разругались, втайне заменил его. Забрав «Книгу Ранда», он первым прыгнул в спасательную капсулу и исчез в бездонной пустоте иного мира.

Всё это произошло из-за него. И теперь Чэнь Гэ чувствовал, что обязан быть таким же ответственным, как брат.

Он нёс на себе мужчину ростом почти под два метра. Приходилось постоянно подхватывать его под колени, но иногда Чэнь Гэ отвлекался, и Ли Синлань начинал волочить ногами по земле, поднимая тучи пыли. Со стороны они, должно быть, походили на старый, дребезжащий трактор — зрелище нелепое и жалкое.

Заметив, что Ли Синлань очнулся, Чэнь Гэ негромко проворчал:

— Пустяковое же дело, всем было бы лучше. И чего Бэй Чэнь упёрся?

Сам же себе и ответил:

— Впрочем, у каждого свои бзики. Я вот в классе тоже никогда не мог усидеть — сразу в сон клонило. Мне бы горы, реки, синее море... и спать на куче золота.

Ли Синлань, казалось, терпел адскую боль. Он неподвижно лежал на узкой, щуплой спине юноши, глядя на мир единственным уцелевшим глазом. Его голос был сиплым, едва различимым:

— Прости.

— На самом деле, когда ты рядом, мне как-то спокойнее, — Чэнь Гэ вздрогнул от неожиданности и замотал головой. — Когда я один, мне кажется, что всё это — дурной сон. Кстати, ты давно в Дурбане? Где жил? И сколько тебе было лет, когда ты возглавил третий полк?

Ли Синлань настороженно оглядывался по сторонам, ловя каждое движение в лесу.

— На десять лет старше тебя... я двадцать седьмого года рождения. Жилье выделил старший брат Цзянь. Сектор С, девятый блок, квартира семь-пятьсот три.

Чэнь Гэ замер как вкопанный.

— Да ладно? Я живу в девятом блоке, квартира семь-пятьсот четыре! Мы же соседи! Как я мог тебя ни разу не видеть?

Ли Синлань зашелся в сухом, мучительном кашле. Прочистив горло, он прошептал:

— Я... редко бывал дома. За домом есть теплица, там росли персики. О ней мало кто знал.

— Так вот оно что! — Чэнь Гэ всё ещё сомневался. — Я видел этот уголок, но понятия не имел, кто там возится. Жаль, теперь мы их вряд ли увидим.

Ли Синлань с трудом мог говорить — горло было обожжено едким дымом при взрыве корабля. Каждое слово давалось с трудом.

— Ван Шуай... кхм... мой сослуживец. Ради той, кого любил, спустил все деньги на этот сад.

— Как романтично, — улыбнулся Чэнь Гэ. — Долго, наверное, растил?

Ли Синлань через силу выдавил:

— Купил уже взрослые деревья, их доставили самолётом. Хотел признаться, когда зацветут. Но в теплице было слишком хорошо, они распустились раньше времени... И этот дурак... струсил.

Чэнь Гэ весело расхохотался.

— В итоге он всё забросил, — продолжал Ли Синлань. — Нанял садовника. Тот приходил только тогда, когда в саду никого не было.

Общие секреты сближают. Чэнь Гэ старался не смотреть на страшные ожоги спутника, продолжая болтать о пустяках.

— Теперь ясно. А я-то годами голову ломал, думал, там какая-то аномалия или «невидимая граница»...

— Вы там рожать собрались? Шевелитесь! — донёлся впереди голос Бэй Чэня, сочащийся высокомерием.

Чэнь Гэ в три прыжка догнал его у раскидистого дерева.

Волк уже вальяжно развалился на толстой ветке, поигрывая пригоршней незрелых диких плодов. Щелчок — и один из плодов с глухим стуком врезался в лоб Чэнь Гэ. Кислый сок брызнул в лицо, повиснув каплями на ресницах.

Взбешённый юноша хотел было сбросить Ли Синланя и ввязаться в драку, но, пока он распутывал верёвки на груди, произошло непредвиденное. Он резко обернулся и случайно коснулся губами сухих, потрескавшихся губ Ли Синланя.

Воина словно ударило током. Он мгновенно отстранился и с глухим стуком приземлился на землю.

Наступила мертвая тишина.

Чэнь Гэ заметил, как странно Ли Синланя перекосило — так смотрят на раздавленное насекомое. Юноша смутился, почувствовав, как краснеют уши.

— Ты ведь слышал... те слухи, да?

Ли Синлань неосознанно замотал головой и едва заметно кивнул, стараясь повернуться к собеседнику здоровой правой стороной.

— В Африке много удивительных инструментов, — быстро заговорил Чэнь Гэ, пытаясь скрыть

неловкость и помогая воину подняться. — Например, амбира — крохотное пианино из высушенной тыквы и деревянных пластин. Я часто бывал в Дурбанской консерватории. Китайцы открыли там благотворительную школу прямо на берегу океана, там невероятные закаты.

Ли Синлань слушал, попутно оправляя одежду привычными военными движениями. Каждый жест отзывался в его теле новой вспышкой боли.

Чэнь Гэ стоял рядом, не решаясь подойти ближе. Он низко опустил голову, пряча взгляд.

— Только вот ученики там были сплошь из трущоб. Многие... носители ВИЧ. И раз уж я сын командующего, газетчики тут же раззвонили, что я хожу туда, потому что тоже болен.

Ли Синлань по-прежнему не смотрел на него.

— Я знаю. Золотой пляж, школа Синхай.

Он дергался в едва заметном нервном тике.

— Музыка, свобода, равенство... старший брат Цзянь всегда говорил, что ты делаешь правое дело. Но он вечно за тебя переживал. Места себе не находил, даже когда ты просто шёл один в столовую.

Голос Чэнь Гэ дрогнул, в нём слышались слёзы:

— Но он мне ничего не говорил... никогда.

Ли Синлань помолчал, словно взвешивая слова.

— Он винил себя. Считал, что его пример дурно на тебя повлиял. Прости... я не хотел тебя обидеть, но ты... ты из этих?

— Нет! Я просто... это совсем другое! — Чэнь Гэ понял, что именно смутило воина, и густо покраснел. — Я не такой, как брат! И вообще, я терпеть не могу этого его... бойфренда!

Сколько он себя помнил, Цзянь Юньлан всегда был в центре внимания — идеальный ребёнок, за которым бегали и девушки, и парни. Но ради Чэнь Гэ он ни с кем не заводил серьёзных отношений. Когда брат поступил в университет, они всё так же проводили вечера вместе: читали, смотрели мультфильмы, грелись у камина.

В памяти Чэнь Гэ все счастливые моменты были связаны только с ними двоими. Брат считал,

что мир слишком опасен, и не выпускал его из виду ни на миг.

Пока три года назад Чэнь Гэ не сбежал с уроков. Возвращаясь домой вдоль берега, он забыл деньги на проезд и шёл пешком.

Перед ним расстилался Индийский океан, сверкающий в лучах заходящего солнца.

Чэнь Гэ крутил в руках палочку от барабана, как вдруг она выскользнула и покатила вниз по склону дюны. Юноша бросился за ней и застыл за огромным валуном. Там, в лучах густого, почти осязаемого заката, целовались двое мужчин. В тот миг ему показалось, что они слились в одно целое.

И тогда он впервые осознал: брат ему не принадлежит.

В отличие от Юньлана, Чэнь Гэ был душой компании, у него было много подружек, но всё заканчивалось максимум прогулками за ручку. Он был слишком домашним, слишком защищённым. Девушки быстро понимали, что он — всего лишь наивный ребёнок, и им становилось скучно играть в «дочки-матери».

Узнав о тайне брата, Чэнь Гэ из чистого упрямства пробовал отвечать на ухаживания парней, но итог был тем же.

Юньлан думал, что дурно влияет на младшего. Когда поползли те грязные слухи, он был в ярости, но не ругал Чэнь Гэ. Наоборот — он стёр любые следы своей личной жизни, лишь бы не подавать примера. В конце концов уже сам Чэнь Гэ уговаривал его вернуть того человека.

Этот секрет знали лишь самые близкие сослуживцы Юньлана. Чэнь Гэ и подумать не мог, что брат делился своими горестями с кем-то ещё.

Но больше всего его угнетало то, что теперь ему приходилось выживать бок о бок с прожжённым натуралом, который явно чувствовал себя не в своей тарелке. Ситуация — хуже не придумаешь.

Ли Синлань облегченно вздохнул и направился к дереву. Его походка была размеренной, почти невозмутимой.

Он смотрел вдаль, провожая взглядом нескладную, спотыкающуюся фигуру юноши.

Казалось, ничто не могло лишить его самообладания — ни раны, ни уродство, ни близость смерти. Даже когда он зацепился за корень и едва не упал, он поднялся со спокойным достоинством.

Воин отвязал от пояса самодельный мешочек из обрывка одежды. В нём, в горсти земли, росла мандрагора, которую он бережно выкопал и теперь таскал с собой.

Цветок был редчайшего иссиня-черного цвета. Девять треугольных лепестков теснились друг к другу, а зубчатые листья казались острыми, как бритва. От растения веяло чем-то древним и зловещим.

— Надо же, — раздался сверху голос Бэй Чэня. — Не часто увидишь человека, который так старательно роет себе могилу.

Ли Синлань коснулся лепестка и негромко спросил:

— Чэнь Гэ тебя научил этой фразе?

— Ещё чего, буду я у него учиться, — Бэй Чэнь заложил руки за голову и выплюнул травинку.
— Давно я не был дома, небось на горе Цанъя всё быльём поросло. Скажи мне, смертный, ты хоть понимаешь, что это за дрянь?

Ли Синлань оторвал лист и, не моргнув глазом, принялся его жевать.

— Я знаю, что это не мандрагора. Спасибо за заботу. Бэй Чэнь-сюн, у тебя явно что-то на уме. Говори прямо.

Волк сел, глядя на Ли Синланя сверху вниз. Его забавляло, что этот человек, стоящий одной ногой в могиле, умудряется сохранять такую наглость.

— Ты жрёшь этот яд, чтобы дух покинул плоть? Ищешь смерти? Мне-то плевать. Но ты следил за нами, а там, в подземельях гор Сяошань, узнал то, чего знать не должен. Я должен был прикончить тебя на месте.

Бэй Чэнь посмотрел вдаль, туда, где на высоком утесе застыл темноволосый юноша, вглядываясь в долину.

Ли Синлань усмехнулся, хотя его голос по-прежнему напоминал скрежет:

— Благодарю. У меня свои причины принимать это зелье, не стоит беспокоиться. А слезка... что ж, это долг солдата.

Он тоже перевёл взгляд на Чэнь Гэ. В лучах заходящего солнца фигура юноши превратилась в яркий оранжевый силуэт.

Бэй Чэнь помолчал, а затем вздохнул:

— Смотри не болтай лишнего. Всё равно тебе осталось всего ничего — так, пара дней в долг у судьбы.

Ли Синлань коснулся пальцем переносицы, глядя на красную метку меж бровей волка.

— Я всё понимаю. У тебя тоже есть свои тайны, о которых нельзя говорить. Я буду нем как рыба, если и ты сохранишь мой секрет.

— Больно надо мне в твои дела лезть, — фыркнул Бэй Чэнь. Неожиданно для самого себя он проявил милосердие: подхватил Ли Синланя и забросил его на соседнюю, более удобную ветку.

<http://bllate.org/book/17509/1659265>